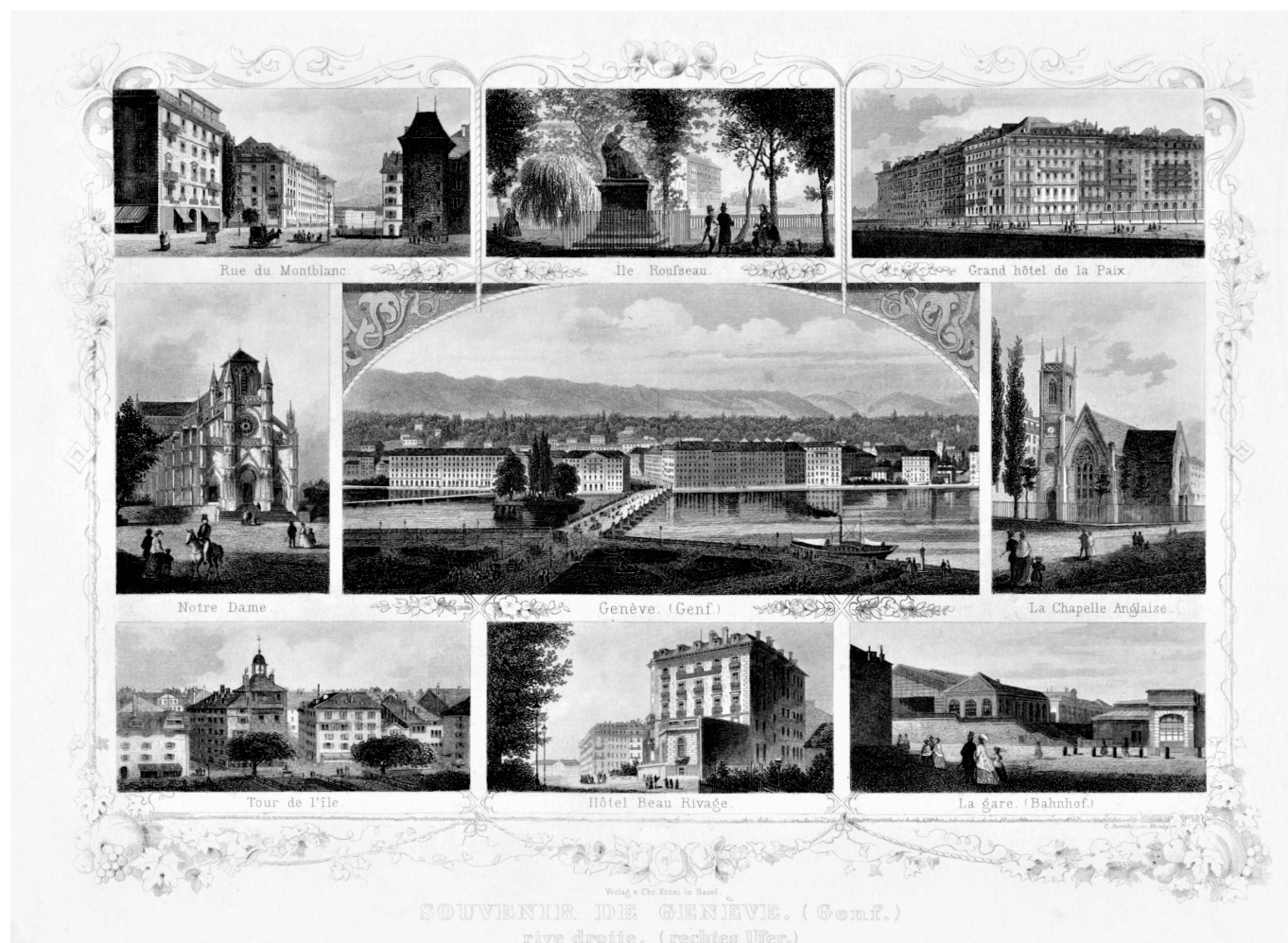

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Легенда о швейцарском рае. 13. Александр Герцен, русский революционер и швейцарский гражданин. Часть 2 | La légende du paradis suisse. 13. Alexandre Herzen, le révolutionnaire russe et le citoyen suisse. Partie 2

Auteur: Наталья Беглова, [Женева](#) , 24.07.2020.

Женева. Гравюра 19 века из коллекции автора.

Мы продолжаем рассказ о пребывании в Швейцарии Александра Ивановича [Герцена](#).

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de *Nasha Gazeta*, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 13. Alexandre Herzen, le révolutionnaire russe et le citoyen suisse. Partie 2

И снова Женева. Последняя попытка создать свой дом

В апреле 1865 года Герцен покидает Лондон, где жил последнее время, и переезжает в Женеву. Почему же он опять выбрал город, где столько страдал? По принципу «наименьшего из зол»: другие швейцарские города его прельщали еще меньше. Цюрих он невзлюбил и назвал «ослиной пещерой» после того, как столкнулся с диким формализмом местной бюрократии во время учебы в знаменитой цюрихской школе для глухонемых его сына Николая, погибшего во время кораблекрушения. В Берн ему не хотелось – там засело «малодушное федеральное правительство».

Справедливости ради стоит отметить, что и город за время его отсутствия преобразился, стал гораздо красивее и удобнее для жизни. На этот раз Герцен прибыл в Женеву уже на новый железнодорожный вокзал Корнавэн. В 1862 году через озеро был построен мост Монблан, строился еще один – Куловьер (Coulouvrenière). (На том строительство мостов и закончилось.) Украшение города стали обустроенные набережные. На левом берегу, напротив отеля Метрополь, разбили парк, который получил название Английского.

Ценность Женевы в глазах Герцена состояла в том, что она оставалась центром европейской демократической эмиграции и, начиная с 1860-х годов, все больше становилась прибежищем русских революционеров и тех, кто позднее вольется в их ряды. То есть превращалась в город, который впоследствии будут называть «колыбелью русской революции».

VUE DE ZURICH
D'APRES LA PHOTOGRAPHIE

Цюрих. Гравюра, раскрашенная гуашью, 19 в.

Герцену ясно, что здесь можно рассчитывать на значительное увеличение количества читателей «Колокола», ведь он не просто переезжает в Женеву, но и переносит сюда Вольную русскую типографию, основанную им в 1852 году в Лондоне. Любимое детище Герцена газета «Колокол» переживала тогда не лучшие дни. После публикации материалов в защиту поляков во время польского восстания 1863 года ее тираж сократился в пять раз.

Едва устроившись, Александр Иванович занялся получением разрешения об издании «Колокола», и в конце мая вопрос был улажен. Помещение под типографию нашли в центре города, в доме № 40 на улице Пре-л'Эвек (Pré-l'Evêque). К сожалению, это здание не сохранилось. Герцен с семьей поселился недалеко от типографии, на улице де Шен (la route de Chêne), которая вела в тогдашний пригород Женевы Шен-Бужри. Вилла называлась Шато-де-ля-Буассьер (Château de la Boissière) или «Большая Буассьер» (Grande Boissière). Этот дом сохранился и отлично известен многим читателям Нашей Газеты – сегодня там находится Международная школа Женевы.

Зачем понадобился Герцену такой большой дом? Дело в том, что он вернулся в Женеву не один, а с новой спутницей жизни – Натальей Алексеевной Тучковой-Огаревой. Как вы помните, Герцен пережил трагический опыт вторжения в его семейную жизнь Георга Гервега. Правда, Гервегу не удалось разрушить семью Герцена. Зато в Лондоне сам Александр Иванович разбил семью своего ближайшего

друга и соратника Николая Огарева. В 1857 году Наталья Алексеевна стала фактической женой Герцена. При этом, как и в истории с «Гнездом близнецов», все продолжали жить под одной крышей. С той разницей, что Огарев с самого начала был в курсе сближения его жены с другом. Он тяжело переживал ситуацию, начал злоупотреблять алкоголем.

Шато-де-ля-Буассьер (Château de la Boissière) или «Большая Буассьер» (Grande Boissière). Акварель, 19 в. © Библиотека Женевы

Первые годы Герцен и Тучкова-Огарева пытаются скрывать свои отношения от окружающих, и когда появляются дети – сначала Лиза, потом двойняшки Елена и Алексей – официально они считаются детьми Огарева. Для чего это делается? С одной стороны, не хотят давать повода многочисленным политическим противникам Герцена для выпадов в его адрес, а с другой стремятся не усложнять и без того тяжелую атмосферу в его доме, не травмировать детей от первого брака. Но Наталье Алексеевне так не удалось наладить с ними отношения, дети Александра Ивановича возненавидели новую спутницу жизни отца.

Надо отметить, что Наталья Алексеевна обладала очень непростым нравом: жестким, неуравновешенным, мнительным и даже истеричным. Она постоянно изводила Герцена претензиями, требованиями, обвинениями. Правда, сама признавалась: «Мне на роду написано причинять горе тем, кого я люблю». Герцен говорил еще жестче: «...ты любишь быть несчастной и недостаточно любишь, чтоб другие были

счастливы». Стоит ли удивляться, что климат в новой семье Герцена был подчас очень тяжелым. Он стал просто невыносимым, когда накануне переезда семьи из Лондона в Женеву умерли от дифтерита Елена и Алексей. Наталья Алексеевна впала в глубокую депрессию, опасались за ее психическое здоровье.

В очередной раз попытка создания «передовой» семьи закончилась неудачей. Тем не менее, переезжая в Женеву, Герцен надеялся, что смена обстановки снимет хотя бы часть напряжения, в котором все существовали в последние годы, и в итоге позволит перевести отношения в иное русло.

В первые дни после переезда и Александру Ивановичу, и Наталье Алексеевне кажется, что все складывается как нельзя лучше. Герцен очарован новым домом: «Вчера в 4 часа приехали мы в Буассьер. Дом великолепный. Тут только жить да похваливать, всем места через край». Подробное описание дома оставила Тучкова-Огарева: «Дача эта называлась Château de la Boissière – старинный швейцарский замок с террасами во всех этажах. Внизу была кухня и службы, в первом этаже – большая столовая, гостиная и кабинет, где Герцен писал; из широкого коридора был вход в просторную комнату, занимаемую Огаревым. Наверху были комнаты для всех нас, <...> Château de la Boissière стоял в большом тенистом саду; перед домом простирался обширный зеленый газон, окаймленный дорожками, которые спускались вниз до огорода; за садом шла большая дорога в Женеву <...>»

Александр Иванович Герцен. Лондон, 1861 г.

Но через неделю отзывы стали уже не столь восторженными: «Дом хорош, – пишет Герцен, – т.е. красив, но не совсем удобен». Он уточняет: «Бесполезные комнаты в нашем Palazzo превосходны», а «комнаты необходимые не особенно хороши». Примерно через месяц подводится итог: «Дом не так удобен, как я думал, т. е. он весь пожертвован для парадных комнат». Дом не устраивал не только расположением комнат, но и тем, что его роскошь слишком контрастировала с жильем большинства эмигрантов и студентов, посещавших Герцена. Но поскольку контракт был заключен с 1 апреля 1865 года ровно на год, делать было нечего, приходилось оставаться, а следующей весной уже подыскивать новое жилье.

Очень скоро энтузиазм первых дней пребывания в Женеве сменится полным разочарованием: «В самом деле, в Женеве все хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живется туго». Не только семейная жизнь опять складывалась не самым благоприятным образом, но и взаимоотношения с русскими эмигрантами оставляли желать лучшего. А ведь Герцен приехал в Женеву именно для того, чтобы расширить круг читателей «Колокола».

Герцену трудно было найти общий язык с русской эмиграцией Женевы 1860-х годов в силу целого ряда причин. Главная состояла в том, что «молодая эмиграция» сильно отличалась от той, которую Герцен застал в конце 40-х. Ее состав был очень разнообразен: там были члены крупнейшей революционной организации тайного общества «Земля и Воля», были и революционеры, проходившие по различным политическим процессам, многие бежали из тюрем или ссылки. Одним словом, в рядах «молодой эмиграции» были большей частью люди, нацеленные на решительную борьбу. А Герцен, приняв участие в революционных событиях, убедился, что революция – это, по сути, война одной части нации против другой. И, как любая война, чревата неисчислимыми тяжкими последствиями. Очевидно, что такие взгляды Герцена казались чуть ли не предательскими. Большинство членов «молодой эмиграции» уважали заслуги Герцена, ценили его деятельность по пропаганде революционных идей, но ставили ему в вину колебания между демократией и либерализмом и упорные надежды на возможность убедить царское правительство в необходимости коренных реформ русской политической жизни.

Когда в 1866 году Дмитрий Каракозов, русский революционер-террорист, совершил одно из неудачных покушений на российского императора Александра II, Герцен назвал его «сумасшедшим фанатиком» и резко осудил: «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». После этого трещина, образовавшаяся между ним и «молодой эмиграцией», для которой Дмитрий Каракозов был героем, превратилась в пропасть. Дело кончилось тем, что Герцен, поначалу принявший достаточно активное участие в жизни русского зарубежья, вскоре отошел от общения с большей частью эмигрантов.

Но не только с эмигрантами не сложились отношения у Герцена. Сама Женева, ее жители также все меньше нравились ему. Совсем недавно Александр Иванович восхищался тем, что швейцарцы отстаивают свою республику, окруженную монархиями, но теперь его раздражает то, что к выборам в Женеве относятся серьезно: «Нигде в мире не занимаются с такой рьяностью и так часто выборами, как в Женеве». Он язвительно пишет о том, что все время, свободное от работы, женевец «посвящает делам отечества, выбирает, выбирается». И с сарказмом продолжает: «Женевцы уверены, что как весь мир, чтоб знать время, смотрит на женевские часы, так все политические партии смотрят на них самих». А ведь именно это серьезное отношение к «делам отечества» и является свидетельством того, что швейцарцы дорожат своими демократическими институтами. А вот отзыв о Женеве из произведения с символическим названием «Скуки ради»: «Церковь без украшений, демократия без равенства, женщины без красоты, пиво без вкуса, или, хуже, - с прескверным вкусом». Существование в этом городе кажется Герцену воплощением «пустоты», где жизнь издерживается «скуки ради» и «страха ради». И сам Александр Иванович буквально задыхается от «удушающей скуки женевской жизни с ее протестантски-монашескими, постными лицемерами».

По истечении срока аренды Шато-де-ля-Буассьер, в апреле 1866 года, Герцен решает переехать в небольшую трехкомнатную квартиру в доме No.7 на набережной Монблан (Quai du Mont-Blanc). Здесь ему было все знакомо, ведь он так часто останавливался в отеле «Де Берг». Наталья Алексеевна все чаще проводила время в Мontre с Лизой. Огарев поселился в Ланси, тогдашнем пригороде Женевы. Все разъехались, и Александр Иванович в одном из писем образно подводит итог: «Переезд из Буассеры положил новую черту, и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась».

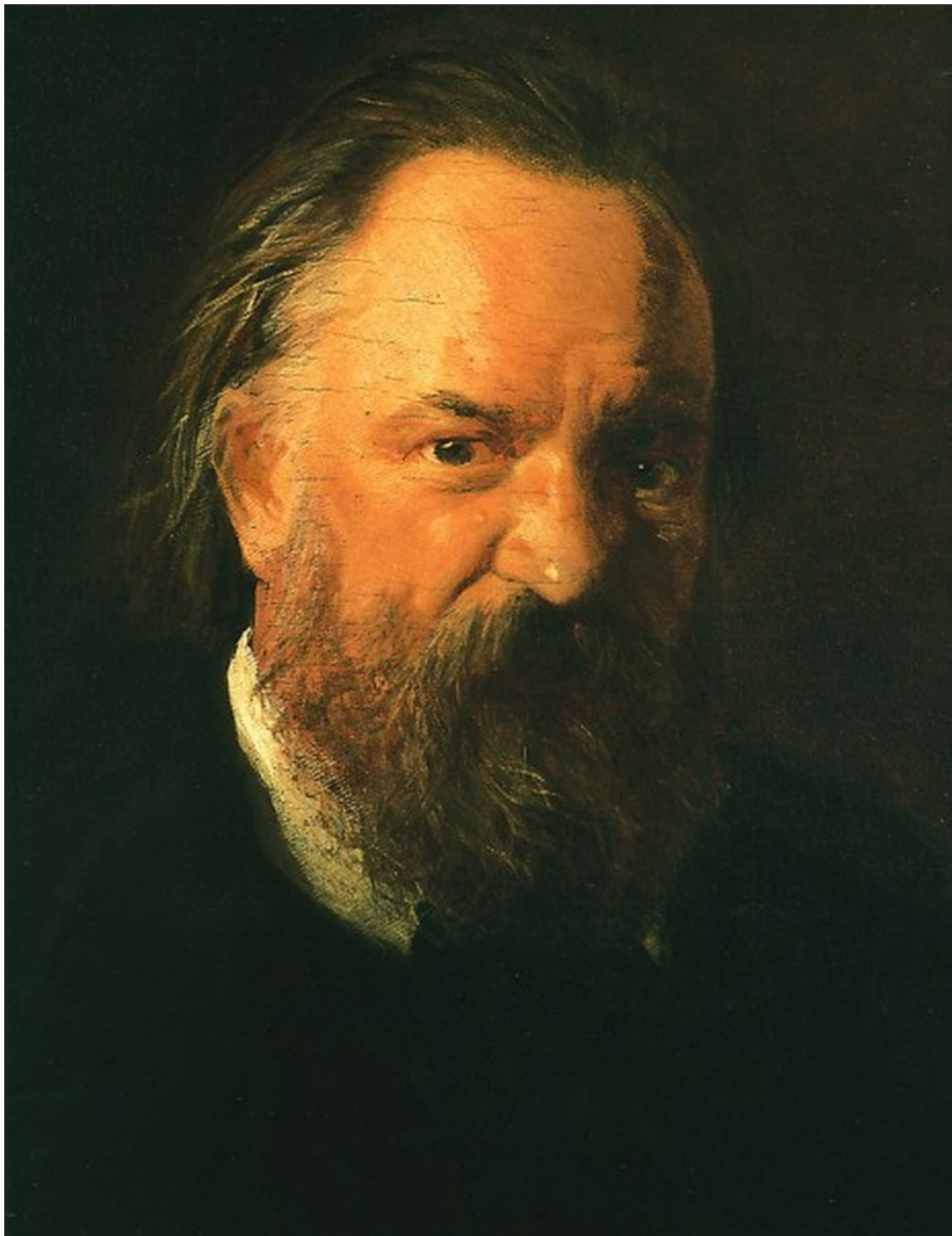
Герцен и Огарев

Бусы порваны, но Александр Иванович еще почти полгода пытается жить практически без семьи и с сознанием того, что и столь дорогое его сердцу издание «Колокол» подходит к печальному финалу. Это не столько жизнь, сколько агония, и в конце сентября 1866 года в квартире на набережной Монблан были написаны отчаянные строки: «Я устал ... exhausted (выдохся – Н.Б.) - все напасти бьют меня молотом по голове. Я не припомню более ужасного времени, после гибели моей матери, после 1852 и кошмарных декабрьских дней 1864 в Париже».

Цели, ради достижения которых он переехал из Лондона в Женеву, не достигнуты, и жить в городе далее ему невыносимо. Он прямо пишет об этом жене: «Далее ясно для меня, что я в Женеве жить не могу. <...> На меня находит такая тоска, что я не могу ее скрыть. Куда ни посмотрю - все идет дурно и все исправлять поздно».

17 декабря 1866 года заканчивается и этот период жизни Герцена в Женеве. Он снова уезжает в Ниццу. Александр Иванович еще несколько раз окажется в городе Кальвина, но лишь ненадолго. Так, в феврале 1868 года он приедет ухаживать за Огаревым, который живет на пенсию, выплачиваемую Герценом, - Огарев сильно пьет, у него начались приступы падучей, так что радости от приезда мало

Александр Герцен был первым русским, кто рассказал не только о швейцарской природе и отдельных фактах ее истории, но создал достаточно подробный очерк социально-политической жизни Швейцарии. В перипетиях его жизни на второй родине, как в капле воды, отразились все сложности и противоречия отношения русских к этой стране.

Н. Н. Ге. Портрет Александра Ивановича Герцена, 1867 г. (с) Государственная Третьяковская галерея

Начнем с основного элемента «швейцарской легенды» – восхваления альпийской природы. Да, Герцен, восхищается красотами Швейцарии, но тут же отмечает, что

горы давят... «слишком громадны, близки, теснят, ограничивают...». Более того, он сомневается в том, что сами швейцарцы все еще продолжают наслаждаться своей природой, на его взгляд они просто ею торгуют. Так, рассуждая о женевах, он пишет, что главный «промысел Женевы, так же как и всей городской Швейцарии, - стада туристов, прогоняемые горами и озерами из Англия в Италию и из Италии в Англию».

Другой элемент - патриотизм швейцарцев, их свободолюбие. С одной стороны, Герцен с восхищением пишет о достижениях страны подлинной демократии: «Вот что может сделать народ в 3 миллиона, когда он народ, а не стадо. Шутки в сторону, я горжусь моим отечеством - bis». И тут же встречаем вот такой отзыв: «допотопное государство, стоящее между допотопных гор, называемое Швейцарией». А в другом письме и того хлеще: «То все до того ужасно, что заставляет ненавидеть эту подлую Швейцарию».

Какой же вклад внес Герцен в «швейцарский миф», переживший Александра Ивановича? На наш взгляд, значительный. Прежде всего, Герцен доказал, что можно стать гражданином Швейцарии и в то же время оставаться патриотом своей страны. Продемонстрировал, что Швейцария, а особенно Женева, - идеальное место для революционной деятельности.

И последнее. У Герцена есть очень сильный рассказ «Поврежденный», своеобразный философский этюд. Написан он был на пике разочарования Александра Ивановича во всем и во всех. Герой этого произведения, размышляя над жизнью рода человеческого, повредился в уме. Он предсказывает, что земной шар вот-вот или «лопнет, или сорвется с орбиты и полетит». И в чем же видит «поврежденный» выход, в чем ищет спасения? В природе! «К природе, к природе...», - призывает он. Круг замкнулся. Руссо заложил первый камень в «швейцарский миф», призвав современников опомниться и вернуться к жизни на природе, и из уст героя писателя, который, казалось, сделал все, чтобы разрушить этот миф, мы слышим тот же призыв.

От редакции: Все остальные очерки Н. Бегловой о "швейцарском рае", собраны в [досье](#).

[Швейцария](#)

Статьи по теме

[Легенда о швейцарском рае. 13. Александр Герцен, русский революционер и швейцарский гражданин](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-13-aleksandr-gercen-russkiy-revolucioner-i>